

ГЛЕБ ЩЕЛКУНОВ

Дизайнер Алена Ахмадуллина на вечере Charity Bazaar в Бехметьевском гараже

РИА НОВОСТИ

Актриса Рената Литвинова на красной дорожке 65-го Каннского кинофестиваля перед премьерой фильма Сергея Лозницы «В тумане»

ПАПАХИ И УШАНКИ

свели француженок с ума. Они спрашивали: что же делать, когда засохнут гроздья рябины и еловые ветки? Им объяснили, что это ручная вышивка и она не засохнет

деталями этого великолепного «бабушкиного сундука» приписывают деньгам мужа — страхового магната. Она устала оправдываться, объяснять, что Леди Гага не просила денег за то, чтобы выгулять Ульянины платья,— и ей их, разумеется, не предлагали. Ну думают так, пусть думают. В ее арсенале рекомендации такого рода, что злые языки могут вибрировать как угодно — этот караван все равно продолжит путь. В прошлом году Ульяна, до мельчайших деталей продумывающая каждый свой «лук», вошла в список самых стильных людей мира по версии Vanity Fair и стала главной героиней модных страниц The New York Times. Статья с заголовком «Возвращение цариц» очевидным образом открывала ей дверь на американский рынок — и чуткая Ульяна отреагировала на вызов: темой второго показа в Театре Мариньи стал Дикий Запад, Скарлетт О'Хара, и сумки в виде красноармейских фляжек сменились настоящей сумой — палочкой с мешочком. Блестяще освоив русскую тему, заложив основу своего дома, в котором в качестве маленького черного платья выступает короткая шубка из каракульчи (с огромным листом ожидания), Ульяна Сергеенко бросилась осваивать дальние территории.

Первой эту золотоносную жилу — «Он русский, это многое объясняет» — нащупала Рената Литвинова, никогда не переставшая увлекаться ретро: однако скорее не русским дворянским — с каракульчей, а советским богемным — с норкой и панбархатом. Ретрожанр был отыгран ею с обычным блеском. Но потом пошли другие увлечения, и последние коллекции, «подписанные» Ренатой,— это скорее посвящение актрисе, после тяжелой премьерной ночи собирающейся на завтрак в «Мажестик»: эдакая Россия, замешанная на большом веке Голливуда. Тяга к изящному не помешала актрисе создать вполне пижамное «Лето в Абрау» — легко представить себе, скажем, Сати Спивакову, принимающую в таком наряде близких друзей в квартире в Шведском тупике, или саму Ренату на отдыхе в Сен-Жан-Кап Ферра.

В «русском тренде» не могло обойтись без Санкт-Петербурга, откуда 100 лет назад мирно стартовали первые «Русские сезоны» и откуда спустя несколько лет от смертельной опасности бежали люди, вынужденно открывшие Россию миру и осваивавшие подчас весьма необычные для своего социального статуса занятия. Среди таких примеров чета Юсуповых, Феликс Юсупов и его жена Ирина, урожденная Романова. В 1924 году Юсуповы открыли в Париже дом моды IRFE, названный так по их инициалам. Дом, считавшийся олицетворением абсолютного шика, просуществовал недолго — до 1931 года, но удивительным образом оставил в истории парижского кутюра значительный след: чего стоят одни только платья «Летучая мышь» и «Кувшинки» из коллекции 1926 года. Собственно Юсуповы создали модную марку нового типа: выпускали одежду, в том числе спортивную, духи, продавали фарфор собственного производства и даже участвовали в оформлении ресторанов, как нынешний новатор Карл Лагерфельд. В 2006 году «молодая парижанка русского происхождения», как она сама себя характеризует, бывшая модель из Витебска Ольга Сорокина, теперь имеющая все шансы стать ролевой моделью для определенного круга лиц, познакомилась с внучкой Юсуповых Ксенией Шереметевой-Сфири. И это стало первым шагом к возрождению модного дома. Молодая парижанка эксплуатирует старого коня: в ее коллекциях очевиден аристократический романтизм и отсылки к русскому искусству. По размаху ее дело пока не может соперничать с огненными батальонами Ульяны Сергеенко, уверенно превратившейся из it-girl в fashion icon,— но ведь и задачи такой не стоит: спрос на русский дух растет, был бы порох в пороховницах.

А вот еще один член питерской команды — Алена Ахмадуллина, осваивающая образ закрытой интеллигентной девушки с Петроградской стороны и даже поставившая «Санкт-Петербург» в название бренда,— кажется, принципиально отказалась от большой международной карьеры. Она сосредоточилась на продажах внутри России, на коммерческом успехе своего предприятия, придумывающего все новые и новые эффектные принты: лошади, белки, мухоморы. Чехлы для айпэдов, этикетка для водки, на которой «встречается старое и новое, футуристические небоскребы и город из русских сказок», разработка формы российских спортсменов для Олимпиады, «коллаборации» с «Вольво» и Райффайзенбанком — ясно, что это стратегия повторяет модели развития, проверенные временем,— таким же образом строит свой бизнес, скажем, Валентин Юдашкин, а из более юных — Александр Терехов, кстати, однажды также отличившийся рябиновым принтом. Пока Ульяна Сергеенко — «русская душою, сама не зная почему» — позирует блогерам в Тюильри с целью занять совместно с подругами по счастью Мирославой Думой и Еленой Перминовой первые места в рейтинге style.com, эти мастера колдуют над эскизами в тиши ателье: за них все скажет одежда. Этот расчет может оказаться не вполне точным. Чтобы кто-то сказал «Он русский, это многое объясняет», сейчас решительно необходимо арендовать Театр Мариньи, сьюты в «Крийоне» или хотя бы быть молодой парижанкой.